

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 73–79
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 73–79
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-1-73-79>, EDN: TSNJBV

Научная статья
УДК 327(47+57:430)|1918/1924|

Эволюция представлений западных держав о германо-советских отношениях в 1918–1924 годы

М. А. Трусова

Рязанский государственный медицинский университет им. И. П. Павлова, Россия, 390026, г. Рязань, ул. Высоковольтная, д. 9

Трусова Мария Александровна, преподаватель кафедры философии и истории, trusovazgmu@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0009-6713-8649>, AuthorID: 1154962

Аннотация. На основе изучения документов внешней политики Великобритании, Франции и США освещаются основные этапы «рапальского» периода советско-германских отношений, каждый из которых обладает особенностями восприятия и оценки их перспектив данными странами. Формулируются выводы о взаимозависимости и взаимообусловленности оценок западными странами германо-советских отношений с предпринимаемыми ими внешнеполитическими и внешнеэкономическими решениями.

Ключевые слова: советско-германские отношения, Брест-Литовский договор, Рапальский договор, Генуэзская конференция 1922 г., Рурский кризис

Для цитирования: Трусова М. А. Эволюция представлений западных держав о германо-советских отношениях в 1918–1924 годы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 73–79. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-1-73-79>, EDN: TSNJBV

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The evolution of Western Powers' perceptions of the Soviet-German relations in 1918–1924

M. A. Trusova

Ryazan State Medical University, 9 Vysokovoltnaya St., Ryazan 390026, Russia

Mariya A. Trusova, trusovazgmu@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0009-6713-8649>, AuthorID: 1154962

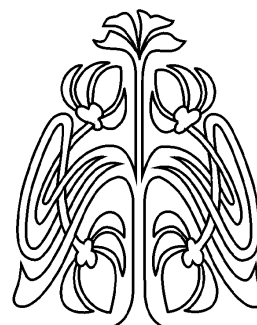
Abstract. On the basis of the study of the Documents of foreign policy of Great Britain, France and the United States the author identifies the main stages of Soviet and German relations in the so-called Rapallo period. Each stage has its own features of the perception and their prospects by these countries. The author concludes that Western countries' assessments of German-Soviet relations are interdependent and interconnected with their foreign policy and foreign economic decisions.

Keywords: Soviet-German relations, The Treaty of Brest-Litovsk, the Treaty of Rapallo, the Genoa Conference of 1922, Ruhr crisis

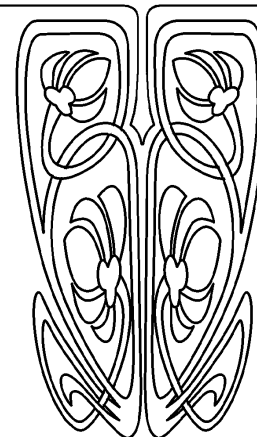
For citation: Trusova M. A. The evolution of Western Powers' perceptions of the Soviet-German relations in 1918–1924. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 73–79 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-1-73-79>, EDN: TSNJBV

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC0-BY 4.0)

© Трусова М. А., 2024

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

После окончания Первой мировой войны для стран-победительниц одной из важнейших задач внешней политики стало создание нового мирового порядка. Его целями были провозглашены сохранение достигнутых в ходе войны результатов, а также минимизация рисков возникновения нового европейского или мирового конфликта [1–3]. Одним из ключевых факторов новой системы стал процесс разоружения Германии, усиленный ограничением ее внешнеполитических и экономических связей. При этом серьезным фактором, требующим внимания, стало появление Советского государства, пересмотревшего внешнеполитический курс Российской империи. Как известно, с начала своего существования страна Советов заключила сепаратный договор с Германией и, находясь в условиях политической изоляции, всячески стремилась к поиску партнеров и союзников. В связи с этим германо-советское взаимодействие находилось под постоянным пристальным вниманием западных держав (Великобритании, Франции, США), поскольку тесное сближение Берлина и Москвы могло нарушить их собственные внешнеполитические планы, создать опасность для европейской и мировой безопасности. Анализируя данный период, отечественный исследователь Е. В. Романова указывает на то, что «утверждение большевиков у власти в России, опасения возрождения германского экспансионизма на Востоке, а также сотрудничества Москвы и Берлина стали источником проводимой Францией и Великобританией политики «санитарного кордона» – поддержки буферных государств, возникших между Россией и Германией» [4, с. 42]. Таким образом, изучение германо-советского сотрудничества, с точки зрения оценки его западными странами, представляется важным для понимания причин и сущности внешней политики, проводимой Великобританией, Францией и США.

Основу исследования составили сборники документов внешней политики Великобритании [5–9], Франции [10–13] и США [14], в которых представлена дипломатическая переписка, записи переговоров, черновики соглашений и договоров. Важными для анализа германо-советского сотрудничества являются также статьи в прессе [15–20], касавшиеся ключевых моментов германо-советских отношений изучаемого периода, поскольку они позволяют выявить общественное мнение по изучаемому вопросу, а также позицию представителей бизнеса.

Первым серьезным шагом взаимодействия Германии и Советской России стало подписание Брест-Литовского мирного договора [21]. На заключительном этапе Первой мировой войны впервые был поднят вопрос о совместных военных действиях этих стран против войск Антанты, развернувших интервенцию на территории бывшей Российской империи. Так, характеризую

данный период, профессор РАН Н. Е. Быстрова указывает: «О степени серьезности намерений обеих сторон свидетельствует факт проведения в конце августа совещания представителей немецкого и советского высшего военного руководства по согласованию деталей предполагаемых совместных действий против англичан» [22, с. 136]. Американский историк и дипломат Дж. Ф. Кеннан отмечал, что страны Антанты в тот период по-разному оценивали возможность сотрудничества с большевиками. Франция хотела остановить немецкую агрессию совместно с советским режимом, в то время как Великобритания и США предпочитали поддерживать антибольшевистские силы, выражавшие верность союзническим обязательствам [23, р. 43].

Следующим этапом германо-советского взаимодействия стало обсуждение и подписание советско-германского финансового соглашения и «Добавочного договора» в августе 1918 г. [24]. Российский историк А. Ю. Ватлин указывает, что период, предшествовавший подписанию «добавочного договора», являлся моментом наибольшего сближения Германии и Советской России: «Процесс согласования интересов Германии и России в этот момент зашел так далеко, что страны оказались на грани неофициального военного альянса, сколько бы ни отрицали это их лидеры тогда, ни советская историография впоследствии. Согласно ноте, в рамках новых обязательств по взаимодействию с РККА, германские войска должны были при необходимости выступить против союзной им османской армии» [25, с. 218].

Очевидно, что подобное сближение Германии и Советской России не могло не вызывать беспокойство западных государств. С 1919 г., рассматривая двусторонние советско-германские отношения, страны Запада оценивали их по двум основным параметрам: возможность распространения революционных идей в Германии; перспективы экономического взаимодействия.

Во время Парижской мирной конференции 1919 г. премьер-министр Великобритании Д. Ллойд Джордж отстаивал позицию, согласно которой репарации в отношении Германии должны быть умеренными, поскольку чрезмерные финансовые тяготы могли создать нестабильность и революционную обстановку в стране: «Мы толкаем Германию в объятия большевизма. Кроме того, чтобы она могла заплатить то, чего мы хотим, и чего требует справедливость, необходимо, чтобы она заняла на рынке еще более значительное место, чем то, какое она занимала до войны» [26, с. 258]. Великобританию волновали также экономические аспекты взаимодействия, поскольку она была заинтересована в развитии собственной торговли и видела Германию своим соперником в предоставлении России долгосрочных кредитов и поставках товаров в советское государство. К осени 1919 г.

в Великобритании обсуждались возможности использования Германии как посредника для проникновения на советский рынок. Так, представитель британской военной миссии в Берлине, полковник С. Р. Мод докладывал в Лондон: «Если английские капиталисты получают контроль над германскими фабриками сейчас, то в последующие месяцы они будут продавать все то, что производят эти фабрики, и затем будут готовы занять российский рынок через немецкие фабрики. Иными словами, они зайдут в Россию через Германию» [27, р. 295].

В этот период в США стали высказываться предположения о возможностях перерастания экономического партнерства в политический союз между двумя государствами. Анализируя положение в Европе после Первой мировой войны, проправительственный орган печати – газета «Нью-Йорк Трибюн» («New-York Tribune») – делал вывод о том, что Германия и Советская Россия склонны к поиску совместных решений: «...Мы видим, что против англо-французского альянса, пытающегося расшириться до общеевропейской системы, есть два важнейших фактора – это Германия и Россия, и обе страны в ближайшем будущем, будут противостоять западному союзу... Сейчас Германия должна принять важнейшее для будущего решение: признает ли она свое поражение, будет ли она оплачивать проигранную войну (деньгами и потерей мощи) или она будет стремиться избежать этой оплаты путем поиска соглашения с большевиками» [15, р. 80].

В начале советско-польской войны 1919–1921 гг. западные державы вновь обратились к вопросу советско-германского сотрудничества в контексте возможностей распространения в Германии коммунистических идей и союза государств на данной основе. Опасения по этому поводу высказывались британским послом в Берлине лордом Килмарноком: «Если большевики смогут оккупировать Польшу и установить советское правительство, последствия для Германии будут настолько сильными, что возможно появление в ней серьезного коммунистического движения. Это означает, что вся Западная и Центральная Германия, и, возможно, Рур станут большевистскими.... Вероятно самая большая опасность, с которой мы сталкиваемся – это улучшение отношения и даже возможно союз между Германией и Советской Россией» [28, р. 275]. Представитель США также сообщал из Берлина в августе 1920 г. о том, что в Германии социалисты, коммунисты и профсоюзы выступали против попыток Антанты заставить Германию нарушить нейтралитет и втянуть ее в конфликт между РСФСР и Польшей. Поэтому высказывалось опасение, что разрешение транспортировки материалов и войск через Германию могло «привести к забастовкам и даже вооруженному

сопротивлению и разрушению железных дорог до такой степени, что заставит Германию открыто принять сторону Советов, и тогда Европа опять будет в огне» [29, р. 847]. Одним из факторов, влиявших на политику Германии в этом вопросе, власти США считали политику, проводимую Францией, в связи с чем предполагали, что «со стороны Франции было бы разумно в данный момент сделать публичное заявление о своих целях в отношении Германии, указав, что не было никаких намерений предпринимать какие-либо шаги в отношении Германии, кроме как обеспечить выполнение Версальского договора, и что Франция готова занять либеральную позицию в отношении условий договора и согласиться на окончательную и разумную сумму репарационных выплат» [30, р. 977].

Однако к концу 1920 г. при обсуждении германо-советских отношений тема большевизации Германии уступила место рассмотрению двусторонних экономических отношений. Переговоры между Великобританией и Францией демонстрировали существенное расхождение двух государств в оценках перспектив германо-советского взаимодействия. Французская позиция была основана на том, что необходимо противодействовать экономическому сближению Германии и Советской России с тем, чтобы не допустить перерастание торговых связей в военное взаимодействие. Глава французской военной миссии в Польше генерал Ниссель сообщал в Париж: «Немецко-большевистская связь неоспорима. В общем, Германия надеется занять важное место в экономическом подъеме России, равно как и оказывать влияние на ее вооруженные силы, которые могли бы после восстановления порядка в России оказывать Германии эффективную помощь» [10, р. 535]. Позиция английского премьер-министра Ллойд Джорджа состояла в том, что с целью недопущения германо-советского сближения необходимо включить Германию в русло европейской политики, для чего важно было пойти на уступки в решении послевоенных проблем: «Если когда-нибудь Россия получит общую границу с Германией, то эти два государства могут бросить вызов блокаде французского и английского флотов. Германия могла бы поставлять локомотивы, в то время как Россия могла бы поставлять зерно. Если предубеждения Мильерана относительно Германии сильнее, чем предубеждения относительно большевизма, то ему стоит подумать об этом» [31, р. 743]. Во время переговоров с итальянским премьер-министром Дж. Джолитти Ллойд Джордж также отстаивал позицию о необходимости установления более дружественных отношений с Германией: «Немцы – порядочный народ, чье настроение антибольшевистское. Но если он будет ограничен слишком сильно, то он может быть принужден к большевизму» [32, р. 757].

Важным шагом в развитии германо-советских отношений стало подписание 6 мая 1921 г. торгового соглашения [33] между двумя государствами. В связи с этим французский посол в Берлине сообщал о том, что в Германии не только дипломаты и представители бизнеса, но и практически представители всех партий Рейхстага ожидали активного участия германских производителей в восстановлении советской экономики. При этом французский посол в Берлине Ш. Лоран сообщал министру иностранных дел А. Бриану, что «экономическое сотрудничество, по мнению многих немцев, – это прелюдия к политическому соглашению» [11, р. 11–12]. Если Франция видела опасность в развитии германо-советских торговых связей, то Великобритания скорее рассматривала их с позиции реализации собственных интересов. Советский дипломат Л. Б. Красин в своей записке указывал: «Англичане же, шведы и др. начинают понимать, что на России можно «заработать» не столько вымогательством «долгов», сколько новой активной работой, на которую одряхлевший ростовщический капитал Франции уже неспособен» [34, л. 3].

У Ллойда Джорджа было следующее видение европейской политики: соглашение с Германией на основе уступок по репарационному вопросу и привлечение ее к европейскому сотрудничеству; укрепление, хотя и на ограниченной основе, англо-французской Антанты; экономическое и политическое соглашение с Советской Россией на основе широкой эксплуатации богатств России иностранным капиталом и максимальное привлечение Германии к экономическому восстановлению России, о чем он заявлял в ходе переговоров с французским премьер-министром А. Брианом: «В рамках схемы реанимации России предлагалось, что Германии должны быть предоставлены возможности для развития российской промышленности, и что она должна выделить 50 процентов прибыли, полученной от деятельности в России, на репарации» [35, р. 771].

С целью решения экономических противоречий между государствами страны-победительницы, а в первую очередь, Великобритания, созвали международную конференцию в Генуе в 1922 г. В ходе Генуэзской конференции страны Запада продемонстрировали непримиримую позицию как по отношению к России (по вопросам военных долгов и компенсации за национализированную собственность), так и по отношению к Германии (в части пересмотра условий Версальского договора и репарационной политике). В сложившейся обстановке нарком иностранных дел РСФСР Г. В. Чичерин и министр иностранных дел Германии В. Ратенау смогли прийти к соглашению об отказе от взаимных претензий и установлении дипломатических отношений, подписав Рапалльский договор [36].

Данное соглашение стало серьезным вызовом Версальской системе, и практически сразу после его заключения в западных странах стали обсуждаться вопросы о наличии в нем секретных статей военного характера. Французское министерство иностранных дел в первую очередь обратило внимание именно на возможность военного взаимодействия Германии и Советской России. Премьер-министр Франции Р. Пуанкаре предупреждал французского посла в Берлине М. Лорана: «Верховный комиссар Кобленца сообщил, что, по словам агента, которого его службы считают хорошо информированным, в конце марта в Берлине происходили переговоры с целью достижения военных соглашений, позволяющих в случае возможных осложнений во время Генуэзской конференции, либо до, либо сразу после нее, на двойной польско-русской и польско-германской границе провести масштабные действия для того, чтобы произвести впечатление на союзников и вызвать панику в Европе» [12, р. 497]. Р. Пуанкаре также заявил вскоре после подписания договора в Рапалло, что новые советско-германские отношения могут в будущем создать опасность для Польши и, таким образом, создать косвенную опасность и для Франции. Французское военное командование, проанализировав изменения в расстановке сил после заключения Рапалльского договора, делало вывод о том, что если Франция решила захватить Рур, то «лучшего момента для этого не найти» [37, р. 96]. Французская газета «Матэн» («Le Matin») задавалась вопросом: нет ли в этом договоре тайных статей о поблажках и льготах в пользу германской АЭГ (всеобщей электрической компании), руководителем которой был ранее В. Ратенау? [38, с. 78]. Газеты сожалели о германском признании России де-юре, пугали славяно-тевтонским союзом. Признавалось, что давление Антанты на Россию и Германию ушло в прошлое [38, с. 78].

Руководство Великобритании заняло в этом вопросе двойственную позицию. С одной стороны, Ллойд Джордж внешне разделял негодование французского премьер-министра, но при этом был осведомлен о переговорах Советской России и Германии, которые проводились еще до начала Генуэзской конференции. Вместе с тем он отмечал, что необходимо предотвратить образование германо-советского союза, который мог создать угрозу европейской безопасности: «Если Россия окажется способной обеспечить оружием Германию, никто не сможет остановить ее» [9, р. 433]. Британская пресса оценивала перспективы советско-германского сближения как угрозу для Европы: «Германия и Россия полностью восстановили дипломатические отношения и готовы использовать их для того, чтобы заключить соглашения, освобождающие их от Версальского договора... Единственной реальной угрозой Европе является союз России и Германии» [16].

Соединенные Штаты Америки не принимали участия в Генуэзской конференции, однако с большим вниманием отнеслись к новости о заключении германо-советского договора. Официальная позиция была опубликована в газете «Нью-Йорк Трибюн» 18 апреля и предполагала, что «заключенный между Германией и Россией договор ничего не значит для Соединенных Штатов Америки» [17]. В то же время американская оппозиционная пресса поднимала вопрос о возможностях развития германо-советских отношений вплоть до формирования полноценного союза: «Соглашение может вызывать беспокойство, только если правительства стран Европы будут проводить такую политику, которая приведет Германию и Россию друг к другу и заставит их рассматривать договор как более или менее оборонительный или наступательный» [18]. Корреспондент газеты «Вашингтон Таймс» («The Washington Times») предполагал и более серьезные геополитические последствия, связанные с возможностями создания трехстороннего германо-советско-китайского союза, который в свою очередь будет направлен против сложившегося союза Великобритании, Франции, Японии и США. Таким образом, «Генуя может закончиться для США тем, что они получают свой первый опыт участия в международном объединении, которое противостоит другому союзу государств» [19].

Летом 1922 г. разрабатывались формы реализации Рапалльского договора, и военно-промышленные круги Германии пошли на подготовку соглашения между военными ведомствами двух государств. Предварительный договор об этом был подписан 29 июля 1922 г. в Берлине. Французские военные эксперты видели опасность советско-германского военного сотрудничества, предполагая, что Россия может оказать поддержку Германии в случае ее войны с Францией. Также они предполагали, что возможное нападение Советской России на одно из восточноевропейских государств позволит Германии вмешаться в конфликт. В феврале 1923 г., со ссылкой на чехословацкого министра, французский дипломат М. Перетти сообщал: «Когда было заключено русско-германское торговое соглашение, заговорили о военном союзе между Рейхом и Советами. Последнего не существовало на тот момент, но с тех пор чехословацкое правительство из достоверных источников знает, что переговоры по этому вопросу начались еще при министерстве г-на Вирта и продолжались при министерстве г-на Куно» [37, р. 255].

На протяжении 1923–1924 гг. французских и британских наблюдателей интересовало состояние военного сектора в Советском Союзе. Оба правительства считали, что советское государство создает опасность для урегулирования отношений в Восточной Европе. Несмотря на то, что этот регион был относительно защищен

от действий со стороны СССР, Рапалльский договор заставил и Великобританию, и Францию обратить пристальное внимание на взаимоотношения Германии и советского государства. МИДы Великобритании и Франции пытались уменьшить выгоды, получаемые государствами от заключения Рапалльского договора. США также с большим вниманием относились к развитию германо-советского взаимодействия в контексте возможностей военно-технического сотрудничества. В период Рурского кризиса США все-таки рассматривали возможность участия СССР в этом столкновении интересов на стороне Германии, что могло создать опасность для всей европейской и мировой политики: «Если Германия и Россия будут воевать вместе против Франции, то совместным результатом от победы будет германо-российская диктатура в Европе с дальнейшими перспективами, предвидеть которые невозможно» [20].

К 1924 г. развитие германо-советских отношений затормозилось в связи с изменением обстановки в Германии и на внешней арене: шло обсуждение вступления страны в Лигу Наций, принятия плана Дауэса, а также приход к власти в Германии нового кабинета министров. Постепенный переход Германии к политике «лабиринтов» между СССР и странами Запада изменил подход к оценке германо-советских отношений, которые стали рассматриваться только в контексте их использования для давления на страны Запада.

Таким образом, восприятие странами Запада германо-советских отношений претерпело значительное изменение на протяжении 1918–1924 гг. На первом этапе (1918–1920 гг.), в условиях взятую Советским государством курса на мировую революцию и нестабильной обстановки в Германии, двустороннее взаимодействие рассматривалось в контексте опасности большевизации Германии и формирования союза двух стран. Второй этап (1921–1922 гг.), связанный с установлением экономических и политических отношений между Германией и Советской Россией, вызывал беспокойство западных держав с точки зрения упрочения и расширения торговых связей, что неоднозначно воспринималось западными державами. Если Франция стремилась противодействовать экономическому сближению Германии и Советской России, то Великобритания усматривала в нем некоторые преимущества для себя и для послевоенного восстановления Европы. Во многом такое расхождение во взглядах стало причиной более серьезных разногласий между западными державами, проявившихся в период проведения Генуэзской конференции 1922 г. Период после Рапалло (1922–1924 гг.) обозначил перспективы военно-технического взаимодействия Германии и СССР. В это время Великобритания, Франция и США

критически оценивали возможности более тесного военного и политического сотрудничества Берлина и Москвы вплоть до создания союза. Такая негативная перспектива повлияла на изменение их политики в отношении Германии и заставила пойти на ряд уступок по пересмотру условий Версальского договора.

Список литературы

1. Магадеев И. Э. Безопасность против или безопасность вместе? Уроки Первой мировой войны и германская политика Франции в 1920-х годах // Первая мировая война: историография и уроки истории (Материалы VIII Конвента РАМИ, апрель 2014) / под ред. А. В. Ревякина. М. : МГИМО-Университет, 2015. С. 128–148.
2. Сергеев Е. Ю. Большая игра, 1856–1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. М. : Товарищество научных изданий КМК, 2012. 454 с.
3. Романова Е. В. Путь к войне: развитие англо-германского конфликта, 1898–1914 гг. М. : МАКС Пресс, 2008. 328 с.
4. Романова Е. В. Советская Россия/СССР и трансформация системы международных отношений в первой половине 1920-х годов // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2022. № 3. С. 11–51. <https://doi.org/10.48015/2076-7404-2022-14-3-11-51>
5. Documents on British foreign Policy. 1919–1939 / ed. by E. L. Woodward. 1st series : in 27 vols. Vol. 6. London : HMSO, 1956. 1956 p.
6. Documents on British foreign Policy. 1919–1939 / ed. by E. L. Woodward. 1st series : in 27 vols. Vol. 8: 1920. London : HMSO, 1958. 892 p.
7. Documents on British foreign Policy. 1919–1939 / ed. by E. L. Woodward. 1st series : in 27 vols. Vol. 10. London : HMSO, 1960. 828 p.
8. Documents on British foreign Policy. 191–1939 / ed. by E. L. Woodward. 1st series : in 27 vols. Vol. 15 : 1921. London : HMSO, 1967. 835 p.
9. Documents on British foreign Policy. 1919–1939 / ed. by E. L. Woodward. 1st series : in 27 vols. Vol. 19 : Central Europe and the Balkans 1921. London : HMSO, 1981. 1138 p.
10. Documents diplomatiques français, 1920–1932 // Ministère des Affaires étrangères : in 13 vols. Vol. 2, t. 3 : 24 Septembre 1920–15 Janvier 1921. Peter Lang, 2003. 667 p.
11. Documents diplomatiques français, 1920–1932 // Ministère des Affaires étrangères : in 13 vols. Vol. 5, t. 2 : 1 Juillet – 31 Décembre 1921. Peter Lang, 2004. 847 p.
12. Documents diplomatiques français, 1920–1932 / Ministère des Affaires étrangères : in 13 vols. Vol. 7, t. 1 : 1 Janvier – 30 Juin 1922. Peter Lang, 2007. 838 p.
13. Documents diplomatiques français, 1920–1932 / Ministère des Affaires étrangères : in 13 vols. Vol. 9, t. 1 : 1 Janvier – 30 Juin 1923. Peter Lang, 2010. 758 p.
14. Papers relating to the foreign relations of the United States, 1920 / ed. J. V. Fuller : in 3 vols. Vol. 3. Washington : US Government Printing Office, 1936. 1649 p.
15. Peace has been Declared in a Far from Peaceful Europe // New York Tribune. 1920. 25 January. P. 80.
16. London Press Sees no Peril in Treaty // The New York Herald. 1922. 19 April.
17. U. S. unaffected by Treaty // New York Tribune. 1922. 19 April.
18. American Treaty with Germany set up Precedent // The Evening World. 1922. 20 April.
19. New Alliance in Far East to Follow Treaty // The Washington Times. 1922. 21 April.
20. Soviet Peril Adds to War Specter // The Evening Star. 1923. 16 January.
21. Мирный договор между Россией, с одной стороны, и Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией – с другой // Документы внешней политики СССР : в 26 т. Т. 1 : 7 ноября 1917 – 31 декабря 1918 / ред. коллегия : И. Н. Земсков, С. М. Майоров, И. В. Содчиков, В. М. Хвостов, Б. Е. Штецн. М. : Госполитиздат, 1959. С. 119–166.
22. Быстрова Н. Е. Из истории дипломатических отношений Советской России. 1917–1918 годы // Российская история. 2012. № 5. С. 121–139.
23. Kennan G. F. Russia and the West under Lenin and Stalin. Boston ; Toronto : Little Brown and Co., 1961. 411 p.
24. Русско-германский добавочный договор к Мирному договору между Россией, с одной стороны, и Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией – с другой // Документы внешней политики СССР : в 26 т. Т. 1 : 7 ноября 1917 – 31 декабря 1918 / ред. коллегия : И. Н. Земсков, С. М. Майоров, И. В. Садчикова, В. М. Хвостов, Б. Е. Штейн. М. : Госполитиздат, 1959. С. 437–455.
25. Ватлин А. Ю., Ланник Л. В. Тайные ноты к Добавочному советско-германскому договору 27 августа 1918 года // Новая и новейшая история. 2021. № 5. С. 208–230. <https://doi.org/10.31857/S013038640016555-8>
26. Тардые А. Мир / пер. с фр. ; под ред. и с вступ. ст. Б. Е. Штейна. М. : Госполитиздат, 1943. 424 с.
27. Report by Colonel Maude (Berlin) on the future of German trade and finance in relation to Russia and England // Documents on British foreign Policy. 1919–1939 / ed. by E. L. Woodward. 1st series : in 27 vols. Vol. 6. London : HMSO, 1956. P. 295–297.
28. Lord Kilmarnock (Berlin) to Earl Curzon // Documents on British foreign Policy. 1919–1939 / ed. by E. L. Woodward. 1st series : in 27 vols. Vol. 10. London : HMSO, 1960. P. 275–276.
29. The Commissioner at Berlin (Dresel) to the Secretary of State // Papers relating to the foreign relations of the United States, 1920 / ed. by J. V. Fuller : in 3 vols. Vol. 3. Washington : US Government Printing Office, 1936. P. 847.
30. Memorandum by the Third Assistant Secretary of State (Merle-Smith) // Papers relating to the foreign relations of the United States, 1920 / ed. by J. V. Fuller : in 3 vols.

- Vol. 3. Washington : US Government Printing Office, 1936. P. 977.
31. British Secretary's Notes of a Meeting held at Lympne, on Monday, August 9, 1920 // Documents on British foreign Policy. 1919–1939 / ed. by E. L. Woodward. 1st series : in 27 vols. Vol. 8 : 1920. London : HMSO, 1958. P. 731–745.
32. Notes of a Conversation held at the Villa Haslihorn, Lucerne, on Sunday, August 22, 1920 // Documents on British foreign Policy. 1919–1939 / ed. by E. L. Woodward. 1st series : in 27 vols. Vol. 8 : 1920. London : HMSO, 1958. P. 756–777.
33. Временное соглашение между Российской Социалистической Федеративной Советской Республикой и Германией, заключенное в Берлине 6 мая 1921 г. // Документы внешней политики СССР : в 26 т. Т. 4 : 19 марта 1921 г. – 31 декабря 1921 г. / ред. коллегия : Л. С. Гапоненко, Г. К. Деев, Н. Н. Калинин, И. К. Колосовский, Г. Д. Обичкин, М. А. Харламов. М. : Госполитиздат, 1960. С. 99–105.
34. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 413. Оп. 2. Д. 1396 (Записка Красина Л. Б. о долгах России и взаимных расчетах между Россией, нейтральными странами и странами Антанты).
35. British Secretary's Notes of a Meeting between Mr. Lloyd George and M. Briand, held at 10 Downing Street, S. W., on Tuesday, December 20, 1921 // Documents on British foreign Policy. 1919–1939 / ed. by E. L. Woodward. 1st series : in 27 vols. Vol. 15 : 1921. London : HMSO, 1967. P. 768–774.
36. Договор между Российской Социалистической Федеративной Советской Республикой и Германией // Документы внешней политики СССР : в 21 т. Т. 5 : 1 января 1922 г. – 19 ноября 1922 г. / ред. коллегия : А. Е. Богомолов, Б. Г. Гафуров, П. И. Ершов, А. И. Лаврентьев, В. В. Лезин, Н. И. Шатагин. М. : Госполитиздат, 1961. С. 223–224.
37. *Variety J.* Les relations franco-allemandes après la Première Guerre mondiale. Paris : Pédone, 1977. 797 p.
38. Ахтамзян А. А. Профили Рапалльской дипломатии (очерки). М. : МГИМО-Университет, 2009. 288 с.

Поступила в редакцию 24.05.2023; одобрена после рецензирования 22.06.2023; принята к публикации 10.11.2023
The article was submitted 24.05.2023; approved after reviewing 22.06.2023; accepted for publication 10.11.2023